

Василий ШУПЕЙКИН

ГРАФ ИЗ ИШАЧЬЕГО ПОСЕЛКА

Рассказ

I

С началом Великой Отечественной войны на одной шестой части земной тверди началось очередное великое переселение. Сорванные боями с насиженных предками мест граждане страны советов убегали самостоятельно и эвакуировались в чужие края организованно. Кто-то, конечно, оставался на том месте, где застали его оккупанты. Некоторых угоняли и увозили в неметчину. Не все выживали...

Разметала Красная армия фашистов, и на поиски лучшей доли покатили в вагонах-теплушках и сами солдаты-победители, и те люди, что родом из опаленных боями городов и весей. Причины тому разные: тягостно было смотреть на пепелище родного очага, в котором не осталось ни одного родного человека; кого-то пересилила фронтовая дружба, кого-то любовь потянула в другую часть света; коммунистам партия сказала: «Убываете в Энск – вы там нужнее...» Многие солдаты и офицеры, пройдя длительное лечение и реабилитацию в тыловых госпиталях, приросли душой и сердцем к месту своего возвращения в жизнь.

Именно таким, излеченным в Алма-Атинском военном госпитале, но не возвратившимся в строй, стал Егор Ильич Скворцов. Лечили его долго. Правая нога, в том месте, где от нее осталась половина (вторую ее часть в лесах Белоруссии отгромсала мина), никак не заживала. Мало-помалу затянулась культя, и пришлось учиться ходить на костылях, привыкать к протезу. Короче говоря, натерпелся партизан, належался в пропахших лекарствами двадцатикоечных палатах-люкс. Но, времени и возможности не упуская, книг прочел великое множество, благо рядом с госпиталем, что расквартирован был в шикарном доме бывшего генерал-губернатора города на углу улиц Советской и Ленина, находилась публичная библиотека имени Пушкина. Шефствующие над ранеными работники Пушкинки баловали подопечных книжками на выбор. Так что, согласно народной мудрости «не было бы счастья, да несчастье помогло», к моменту исцеления Егор прошел свои университеты. Чтение книг, да не бессистемное, а грамотно выстроенное, зарядило покалеченного солдата многими знаниями по зоологии и биологии. В конце сорок пятого победного года он экстерном сдал экзамены в Алма-Атинском зооветинституте и, получив диплом по специальности «зооинженер широкого профиля», был направлен на работу в зоопарк. Обрести высшее образование и работу для инвалида было непросто. Скворцов ухватился за этот шанс и остался на жительство в одном из самых красивых и уютных городов СССР – Алма-Ате.

И это еще не все «коврижки», выпавшие невезучему воину. Как инвалиду войны, государство выделило ему ссуду на строительство частного дома. Участок для подворья на улице с прозаическим названием Глубокая Егор Ильич нашел самостоятельно – поближе к месту работы, в пяти минутах от служебной проходной. Выделили ему шесть соток – более при советах никому земли не нарезали.

По какой причине так называли улочку с тридцатью домами по обе стороны, неведомо. Может, из-за незаживающего земельного шрама – проезжей колеи? Почвы здесь, у привалков Зайлийского Алатау, черноземельной пушистостью не отличались. Но в дождливую погоду стоило телеге, а то и гру-

зовикам народных марок «Полуторка» и «Захар» проехать по улочке, как тут же появлялась вмиг наполняемая водой глубокая канава. Как знать, может, именно колеиные реки и дали название улице...

...Нынче зарядил долгосрочный «марусенький дождик» – так говорил сынок Егора Ильича, объединяя в одном своем «новослове» два совершенно правильно описывающих погоду понятия: «моросит» и «малюсенький».

Стоял научный работник зоопарка Скворцов перед собственной калиткой, докуривал папиросу «Прибой» за шестнадцать копеек пачка, а в пачке двадцать папиросок, и думал: «Хорошо, что под конец дня дождик угрозило! Теперь уж никто не поедет, не продавит колесами улицу. А то завтра с утра тяжеленько придется топтать по воде...»

И в этот момент с «Татарского тракта» – улицы Гражданской, что тянулась из Татарской слободы, на Глубокую свернула легковушка. «Победа!» – мысленно определил марку машины Скворцов и с удовольствием отметил: «Правильно, что Сталин приказал у немцев производство их “Опеля” вывезти в нашу страну – имеем право на контрибуции».

Небольшой подъем с запада на восток в дождь размягчался, и глубокое «шоссе» становилось сметанным. Поворачивая, «Победа» сместила заднюю, более легкую часть кузова в сторону, шофер поддал газу, хаотично крутанул руль и въехал передним левым колесом в глубокую ямку, приготовленную для установки фонарного столба. Зад машины резко подскочил вверх. Пытаясь вернуть автомобиль в положенный горизонт, водитель включил заднюю передачу и вновь нажал на газ. Кроме визга скользящих по грязи шин задних колес ничего не произошло.

«Тьфу ты! Неумеха. Кто ему дорогущую “Победу” доверил? Почитай, тридцать тысяч рублей она стоит. Видел такую на витрине в универмаге на Горького – покупай не хочу! Хорошо, что не ЗиМ упорол, тому цена и вовсе – сорок косарей...»

Пожалев дорогой автомобиль, заплевав окурком, хотя в дождь он бы и сам потух в момент, – привычка фронтовая неистребима, Егор Ильич отворил калитку. И тут же был окликнут пассажиром «Победы», что после неудачных попыток вернуть авто из ямы вышел на середину проезжей части:

– Слышь, мужик, подсоби, а? Давай толкнем...

Егор, как и всякий советский человек, все сознательно прожитые годы сорокалетней жизни всегда руководствовался принципом «Человек человеку – друг, товарищ и брат!» и было дернулся к пострадавшим, но сам себя осадил, екнуло сердце жалостью и злостью: кабы на своих двоих был...

Скворцов молча выставил напоказ костыль.

– Понятно, брат, понятно, прости... А велика ли ваша улица? – с напором продолжил разговор незнакомец.

– Три десятка дворов.

– Ты всех знаешь?

– Конечно! – Егор Ильич не понял вопроса. Вернее, не понял, как этот человек мог его задать. Он что – американский шпион? Это они там, в капитализме своем, волком друг на дружку смотрят и знать соседей не желают – читал, читал он об их социальных пороках – но мы-то, советские люди, живем в братской дружбе и взаимопомощи. Как это не знать тех, с кем живешь на одной маленькой улочке?

– А кого вы, собственно говоря, ищите? – с интонацией, исключающей панибратство, спросил он.

– Мне нужен граф! – без тени иронии и смущения ответил мужчина.

В этот момент шофер сделал очередную попытку выбраться из ямы. Машина взвизгнула колесами, но ни на йоту не подалась назад.

– Да успокойся ты уже! И вообще заглуши мотор. Не газуй, не дыми! – крикнул пассажир водителю и вновь спросил: – Ну, так что, в каком доме граф живет?

«Твою ж растудыж! – в сердцах без звука выругался Скворцов. – Не-ет, это не шпион, это какой-то умалишенный», – и на всякий случай, навалившись на штaketник забора, выставил вперед костыль. «Если что, ткну в солнечное сплетение!» – решил проснувшийся в научном работнике солдат. Но продолживший расспросы мужчина тут же охладил боевой пыл инвалида.

– Граф – это его прозвище. Фамилия у него такая, какая-то, понимаешь ли, графская, или княжеская. А так он ветеринар-лошадник. Говорят, что лучше него никто жеребцов не правит...

Скворцов в недоумении выслушал очередной бред и промолчал.

– Во как, – мужик провел ребром ладони по своему горлу, – он нам нужен. Скоро с казахами на байгу выходим, а надежде на выигрыш, похоже, каюк... Знаешь какой приз – «Москвич»? А жеребец наш приболел, и никто не понимает, в чем дело. Вот сказали, что в Алма-Ате на улице Глубокая живет этот граф... тьфу ты, зачем на меня смотришь, как на чокнутого? Лучше подскажи, в какой двор лошадей приводят?

– Слушайте, товарищ! Или я чего-то не понимаю, или вас сильно обманули. Я вам могу по фамилиям перечислить всех, кто на нашей улице живет. Голову на отсечение даю: никаких лошадей тут сроду не было. Когда-то в прошлом веке здесь паслись стада ишпаков. Поэтому наш околоток до сих пор называют Ишачьим поселком. Но и тех уже давным-давно отогнали на во-он ту горку – Шишкой прозывается. Там они до сих пор пасутся...

Незнакомец беспардонно, не извиняясь, перебил его:

– Ооо! И вправду, может быть... – он на секунду замялся и, переняв сдержанный тон Скворцова, дабы не спугнуть счастье, перешел на «Вь». – Может быть, вы действительно скажете мне, кто где живет? Пофамильно, так сказать. И, возможно, я вспомню этого графа?

– Пожалуйста! Вот, напротив, живет семья казахов. И, кстати, я никак их фамилий не запомню – у каждого своя, даже дети на разных фамилиях...

– Нет, граф точно не казах...

– Дальше Кихтенки живут, за ними Володины, та-а-к... Вот на углу евреи, только что дом купили – с северных лагерей отпущены, кажется, Маковские. Здесь две сестры Ножкины... Нет, извините, Ручкины...

Мужчина нетерпеливо переминался с ноги на ногу, по всему видно, спешил получить желаемую информацию.

– А на этом квартале я, моя фамилия Скворцов... сосед Соловьев – нас так и прозывают «Птичий угол» – и Орловы...

– Вот!!! – завопил пассажир «Победы». – Вот! Именно Орлов! Это он – Граф! Я же говорил: графская фамилия...

– Фамилия, может быть, и графская, – вспомнив историческую личность времен императрицы Екатерины Второй, промолвил Скворцов. – Но сам Владимир Васильевич совершенно советский человек.

Ему стало как-то обидно за соседа, такого же, как и сам, инвалида войны, почти что лишившегося руки.

«Точно, шизанутый!» – неприязненно глянув на расплывшегося в улыбке «гостя», подумал Егор. Но слово-птичка изо рта вылетело, искомое приедем найдено. «Причем с моей болтливой помощью! Тьфу ты...»

А приезжий, не поблагодарив и не попрощавшись, ломанулся к подворью Орловых.

Скворцов хоть и не из любопытных был, но, переминаясь с ноги на протез, решил увидеть продолжение визита. Достал папироску, чиркнул спичку, прикурил – продемонстрировал: мол не просто так стою на улице рядом с вами,

не грею уши чужими разговорами, а вот, нате вам – курю. А что? Прав таких не имею?..

Когда после громкого стука и истошного крика «Хозяева-а-а!» глухая калитка таких же наглухо сработанных ворот орловского дома отворилась, улица погрузилась в густой сумрак, и как по чьей-то команде дождик из марусенького перешел в проливной...

Минут через пятнадцать Егор Ильич услышал, что буксующая «Победа» взревела двигателем, взвизгнула колесами и вроде бы сдвинулась с места. Он подскочил к окошку и с удивлением узрел, как его сосед, завернувшись в плащ-палатку, помогает вытаскивать машину из ямы.

– Неужто Орлов и вправду ветеринар? – то ли жене, то ли самому себе задал он вопрос.

– Ты про кого, про Владимира Васильевича? – спросила дородная конопатая и рябая Наталья, бывшая нянечка военного госпиталя, не раз таскавшая его, одноногого, на себе по процедурам. Много хорошего сделала для солдатики потомственная казачка из семиреков. Потому как влюбилась в этого книгочея, ни разу не попросившего спирту для облегчения боли. «Значит, не пьющий, а еще и умный, такой надежным мужем будет», – решила она. А то, что без ноги, немогущий, так ее силищи, как у доброго казака, на двоих хватит. И потом, говорили же ей, прыская смешочками, бабы: «Ты, Натаха, присмотришь: ноги нет – не беда, лишь бы – не калека». Подглядела, не стерпела – ого, куда как не калека.

– Да тут сейчас на улице мужик подошел, вернее, он приехал на «Победу», – начал пояснять свое любопытство супруг, – и спрашивает, где тут живет ветеринар – кое-как разобрались с фамилией (про «графа» говорить жене не стал, всё одно не поймет, а за объяснениями ужин остынет) – который лошадей лечит...

– Чаво-о-о?! – протянула Наталья. – Орлов – лошадиник? Да ни в жисть не поверю! Мы б видали, как к ним коней да кобыл загоняют... Не-е-е, брешуть...

– Брешут, не брешут, а он только что сел в легковушку и – тю-тю...

– Ой, так это он, видать, на пьянку с бабами отправился, а дружка своєю подговорил, мол, приедь за мной по срочному делу, – вмиг выдала самую что ни на есть женскую версию супруга. Говорила прихохатывая – смеялась над мужниной недотепетостью.

Весь вечер Егор нет-нет да и вспоминал про графскую фамилию соседа. А что, если и вправду? Идти к чекистам или промолчать?

«Ишь ты как! Графская фамилия! Чуть ли не по Чехову – “Лошадиная фамилия”...»

Представив себе соседа, переименованного в Орлова-Овсова, старший научный сотрудник Алма-Атинского зоопарка хохотнул и, отстегнув протез, стал укладываться спать...

... – Молодец ты у нас, Егор! – похвалил старшего научного сотрудника директор зоопарка Максим Дмитриевич Зверев. – Раньше всех приходишь. Не сильно утомляешься на трех ногах?

Спросил участливо, по-доброму, не отпуская рукопожатия. Директор вообще был очень приветлив и незлобив. Совестливые работники его не подводили, а те, кто понаглее... Такие кого хочешь обманут. У царя зверей, у льва, кусок говядины откусят и домой утащат. Знал про то Максим Дмитриевич и старался на кормлении хищников присутствовать лично, чем вызывал у нечистых на руку (а без таких ни одно предприятие не обходилось, «несунами» их звали) злые реплики: «Одно слово – зверюга».

– Ты вот что, займись сегодня вплотную обоснованием новой схемы размещения животных. Делай всё по-научному, с указанием литературы и регламентирующих документов. Сам знаешь, эти буквоеды в ... – директор осекся,

так и не произнеся названия вышестоящего контролирующего их предприятие партучреждения. — Я буду докладывать, они — спрашивать: почему вы зверей не по алфавиту распределили? Надо всё объяснять.

— Понятно, Максим Дмитриевич.

Скворцов направился в главный корпус. В памяти всплыло вчерашнее. «Графская фамилия, хгым... Вот ведь народ! Каких только ассоциаций не произведут... Вот и Зверев — директор зоопарка! Всё правильно! Мощный руководитель. Все знают, что во время войны он сумел спасти большинство редких и дорогих хищников от голодной смерти...»

Егор вспомнил не раз слышанную от старожилов историю, начинавшуюся в середине прошлого века, аж в 1856 году, и расплылся в добродушной улыбке.

А дело было так...

Следом за военными, основавшими военное укрепление Верное на древней казахской земле, в междуречье Киши и Улькен Алматы, сюда прибыли татары. Шли они из Семипалатинска больше года. Торговый люд искал новые рынки сбыта и свободной земли для поселения. (Казахи славилась гостеприимством, принимали любого, кто шел с добром.) Свою доброжелательность татары демонстрировали быстрой адаптацией и невысокими ценами на товары, что везли для начала торговли в тележках и двуколках с запряженными в них ослими, по-здешнему — ишаками. Эти животные славилась выносливостью и трудолюбием. Но становились упрямыми и отказывались от упряжки, как только переутомлялись. Всяк владеющий ишаком знал: хочешь иметь тягло ежедневно, заводи два, а то и три ослика. Почаще делай ишачью замену, и будешь всегда с малым гужевым транспортом. Пришлым выделили участки для поселения, и тут же эта местность получила название Татарская слобода. Удобна она была не только близостью к военному гарнизону, где служили и селились основные покупатели, но и наличием реки Жарбулак, которую тут же переименовали в Речку-Казачку. За тысячи лет и сотни селевых потоков Жарбулак вымыла огромный лог. Хочешь дать отдых ишаку — спустись к речному руслу, оставь здесь своего уставшего помощника и получай через пару недель готового к извозу труженика. Санаторий! Ослиный рай! Со временем ишаки перебрались на другой берег, прибились к привалкам гор, где и солнца больше, чем в логу, и трава слаще, и начали неконтролируемо плодиться. К началу Великой Отечественной войны их стало столько, что никто и не помышлял отскакивать в табуны именно своего ишака, брали самого здорового с виду — и ну его в оглобли. В тридцатые годы, перед войной, когда на этом месте нарезали участки под частные домовладения, длинноухие трудяги потеснились, но продолжали плодиться. В 1942 году, когда во всем СССР наступили голодные дни и месяцы, власти повелели зоопарки закрыть (кормить зверей нечем), а питомцев утилизировать. Сохранили только Московский зоопарк. И тогда Максим Зверев предложил местным руководителям попробовать сохранить зоопарковый хищный контингент, поставив ему на довольствие мясо ишаков...

Увы! Обидно, досадно, жаль бедных осликов, но львы и тигры — дороже. Особенно в материальном плане. К концу сороковых годов о вольных ишаках успели позабыть, но имя — Ишачий поселок запечатлелось на долгие годы и постепенно укоротилось до простого — Ишак...

«Вот так когда-нибудь, кто-нибудь, вспоминая, ассоциирует меня с местом жительства и назовет Ишаковым», — пришла Скворцову догадка, и он рассмеялся в голос — благо сидел один в кабинете для шести сотрудников.

В частном секторе, так сказать, по-соседски, почти ежедневно встречаются друг с дружкой только женщины и ватаги детей — игры в казаки-разбойники да скакалки влекут их днем на улицу. А для хозяек подворий есть сумеречный час — посидеть на лавочках и завалинках: одним — языки почесать, другим —

уши наострить. Веками жили люди в своих невысоких домах. Виделись – здоровались, а коли приспееет нужда, женщины без предупреждения переступали соседский порог – за помощью обращались: попросить в долг денег либо подсобить по хозяйству. Короче, бабы знали всех и всё про всех. Мужчины, те с соседями виделись редко, разговоры вели не долгие и не про всё на свете, а лишь по делу. Дел у каждого в частном доме невпроворот – ЖЭК в твоём дворе порядок не наведет, дом не побелит, не подкрасит. Мужик-хозяин, если, конечно, не пьющий и не ленивый, вечерами и в воскресные дни, закончив копать огородные грядки, не расстается с топором, молотком, ножовкой и прочим инструментом: то крышу латает, то забор красит, то... Только сделает то да это, глянет на сарай, а там дрова не наколотые скопились.

В один из ранних вечеров Наталья, вернувшись с посиделок на углу улиц Крестьянской и Глубокой, где с давних времен лежал огромный каменный брус с изваянием – бал-бал, наследие казахской культуры из глубины веков, ныне служивший соседкам завалинкой, с порога затараторила:

– Щас сидели с бабами, то да сё, ага... Тут Лидка Орлова заявляется... Редко подходит к нам, прямь-таки не знаю, чем она всю жисть занятая, ага... Ну я даю вопрос: «И кто это к вам на легковушках приезжат? Давеча видели мы...» А она – губки бантиком, «извините, вы – о чем», фыр-пыр, и ушла, так ить и не сказала ни слова...

– Наталья, ты чего это так беспардонно себя ведешь? – решил урезонить ее супруг. – Твое какое дело, кто к кому приезжает?

– Ой, ой, какие мы ученые! – завелась раздосадованная жена. – Слова какие знаем, ага... Значит, вы пардонные, а мы без того-этого?

«Ну, завелась как примус! Теперь весь вечер будет Орловых костерить...» – Скворцов установил жене диагноз и решил не вступать с нею в перепалку – знал: любым ответом только керосину подольет в ее душевную топку...

На ноябрьские праздники частный сектор Алма-Аты прихорашивался. По углам кварталов партработники развешивали флаги. На здание школы натягивали транспарант с одними и теми же словами: «Да здравствует Великая Октябрьская Социалистическая революция!» с цифрами очередной годовщины. В целях экономии, до той поры, пока не выцветал кумач, цифры аккуратно подправлялись – плюс один год. Было принято 7 ноября надевать на себя и детей праздничные одежды, садиться в автобус и ехать на центральную площадь города, демонстрировать со всеми тружениками свое почтение советской власти.

Надев новые ботинки, сначала на здоровую ногу, потом на протез, Скворцов вышел на улицу. Наталья сказала, что не пойдет радоваться с теми, кто раскулачивал ее деда и сослал в Сибирь отца, есаула Семиреченского казачьего войска.

Погода стояла великолепная, сухая, солнечная, но прохладная, самый раз в новом пиджаке пройтись, себя показать, мол, не из последних здесь; на соседей посмотреть, поздравиться, а то и по рюмочке опрокинуть – праздник-то великий. В этот день, как на Пасху, никто домашних дел не работал.

И вдруг до слуха Егора Ильича донеслось равномерное глухое «бухг-гук, бухг-гук...».

Что за звуки? Никак дрова рубят?

Ну да, так и есть – вон как гукает колун, разрывая пополам полено. И разваливается оно надвое, и трещит внутри раскола щепы.

«Кажется, из орловского двора слышится... Да неужто работника наняли?! – удивился Скворцов. – Сам-то Владимир Васильевич с перебитой в нескольких местах левой – считай, безрукий».

Сам не ведая почему и зачем, он поковылял к соседскому дому.

Глухая калитка, собранная в елочку из наборных дощечек, была открыта. В образовавшемся просвете ясно виделась фигура хозяина дома – плотного, с мощным торсом мужчины средних лет. В одной рубашке, не по сезону, без кепки на совершенно безволосой голове он мудреным образом вставлял обрезок-кругляк в специально изготовленное на колоде полукольцо из катанки, легко замахивался и обрушивал сокрушительный удар на заготовку. Она разделялась пополам, а то и на три чурбана, и свершала последний выдох терпким сосновым духом.

Скворцов наблюдал за Орловым и не смел переступить границу его двора – не в таких уж теплых отношениях они находились.

Расколов очередную чурку, хозяин обернулся на нерешительного гостя.

– С праздником, Владимир Васильевич! – поторопился обозначить свое присутствие у входа Егор. – А ты чего это в великий день работаешь?

Не отвечая на поздравление дежурным «и вас так же», Орлов с добродушной ухмылкой сказал:

– Я считаю, работа никакому празднику не помеха. У нас в Сибири был только один нерабочий день в году. Ну-ка, коммунист, догадайся, о чем говорю?

– Ну ты уж так не сопоставляй Пасху и Великую социалистическую революцию, – с некоторым упреком в интонации ответил Егор.

– Ни боженьки мои, никак не сравниваю, – с еще большим сарказмом заметил хозяин. И, спохватившись, для прекращения опасного в те годы разговора на политическую тему пригласил: – Ты чего в дверях застрял, заходи, отметим праздник. – Заметив, что сосед замялся, подбодрил: – Давай, давай, Ильич, помянем твоего тезку по отчеству.

В пронзительно голубых, излучающих свет глазах Орлова не осталось и тени иронии, весь его облик обрел доброжелательность и хороший настрой на выпивку.

Часть его двора была накрыта навесом с железной, крашеной свинцовым суриком кровлей – послевоенный шик-модерн – это вам не шифер. Под навесом добротно сработанный аж на десять персон стол, всегда защищенный и от солнца, и от осадков хлябей небесных. Тут же, под единой крышей, небольшая банька – редкость для здешних краев. А два огромных сарая, перегораживая участок, отсекали двор от сада-огорода.

«Крепкий хозяин! Действительно всё у него по-сибирски, – мысленно отметил Скворцов и тут же вспыхнул догадкой: – Видимо, коновальное лошадиничество хорошо кормит. Вот же и дом у Орловых самый большой в округе, с мансардой и двумя балконами. Говорят, тоже из Сибири привезенный. Сруб лиственницы...»

Не дойдя и до середины двора, он невольно обернулся на парадный вход – покрашенная в разные цвета масляными красками веранда радовала взор и утверждала: здесь живут аккуратные люди с хорошим достатком.

– Присаживайся, сосед! – пригласил гостя хозяин. – Располагайся!..

Егор Ильич прислонил костыль к стене баньки и сел на массивный табурет.

– Лидуся! – крикнул Владимир Васильевич. И тут же на крыльцо вышла красивая смуглая брюнетка ниже среднего роста с округлыми формами всей ладненькой фигурки.

Скворцов стыдливо залюбовался чужой женой. «Надо же! В два раза мельче моей Натальи... Бывают же такие...» Размышляя, он не заметил, как ревниво наблюдает за ним супруг красавицы. Буквально за несколько минут молча она накрыла стол тарелками с закусочной снедью.

— Ну, сосед, за что по первой?

— Так, эта, — спасовал Скворцов, — за...

— А давай за Победу? Революция подождет... А?

— Как скажешь, Василич, ты — хозяин.

Разливая водку по стопкам, Орлов тихо пробормотал:

— Был бы хозяином, если бы не ваша революция...

Егор не расслышал ничего, кроме слов «хозяином» и «революция». Но значения услышанному не придал. Ему вообще как-то не хотелось что-либо анализировать, кроме только что увиденного и поразившего добротностью хозяйства.

Орлов тут же повторил розлив.

— Давай сразу по второй за то, что нам повезло...

— Нам? Ты почти без руки вернулся, я без ноги. Повезло?

— Я, Егор, до недавнего времени тоже страдал от потери. А тут стоял в очереди за пивом и услышал, как пьяный вовсе безногий колясочник рассказывает стихотворение про войну. Такие слова говорит!.. Он точно воевал. Чувствуется, не участник войны, а фронтовик. Я запомнил пару строчек: там, где про бой говорится: «Слушайте, братцы, наказ: кто останется жив, расскажите про нас...» Я своим солдатам перед атакой то же самое говорил: «Обменяйтесь адресами...» И еще безногий такую вещь сказал: «Мне повезло прийти с войны живым, найти жену...», ну и так далее. Вот и мы с тобой — живем и радуемся женам, деткам. Согласен?.. Ну, давай!

После второй аппетит потребовал мощной закуски. Таковая имелась в изобилии: соленья и особенно квашеная капуста были на высоте. Но более всего Егору понравился пирог с начинкой из тоненьких ломтиков картошки и таких же кружочков помидоров, видимо, последнего осеннего урожая.

— А какой замечательный у твоей хозяйки холодец! Такой тугой, как...

Владимир Васильевич перебил хвалебную речь гостя:

— Ладно, не перехвали мне бабу. Давай-ка третий тост поднимем за тех, кто не вернулся...

— Да, да, да, — согласился гость. — Не чокаясь...

Окончание в № 2, 2026.